

К. Е. Сигалов¹

ПАЗИТАРНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР АУТОДЕСТРУКЦИЙ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР

Право призвано регулировать самые насущные запросы общества в целом, а также конкретных людей. Оно изначально регламентировало отношения собственности, власти и правопорядка. Собственность и ее формы — главные параметры развития цивилизации, входящие в «сферу ответственности» права. Экономическое бытие права обусловлено общественно-производственной технологией, определяющей характер цивилизации. Степень интенсивности/экстенсивности общественно-производственных технологий определяет общую ментальность цивилизации, основополагающие тренды правового и социально-политического развития. Так, традиционная земледельческая цивилизация, замкнутая в четкие очерченные границы, предполагала постоянный рост производства «на месте», то есть перманентную интенсификацию, развитие вглубь. Земледельческая цивилизация, не ограниченная пространственными пределами, имела возможность развиваться и вглубь, и вширь. Номадические цивилизации предполагали постоянные кочевья, следовательно, могли развиваться вширь. Они обладали экстенсивным характером развития. Для функционирования кочевого хозяйства требуется не более 20 % мужского трудоспособного населения. Остальные могут быть заня-

ты насильственным изъятием чужой собственности, захватом и эксплуатацией чужих территорий. Захватчики не только жестко доминируют в политической, правовой и конфессиональной сферах, но и паразитируют в социально-экономической сфере, блокируют интенсификацию экономического развития, поскольку игнорируют не только интересы собственников, но и сам феномен собственности. Военная агрессия стимулирует лишь узкий сегмент технологий, сопряженный с войной.

Со временем алгоритм цивилизационного развития изменился и прежние захватчики сами стали объектом территориальных притязаний и эксплуатации колониальных держав. Каждая из них использовала свой собственный метод колонизации, но в основе лежал единый алгоритм — освоение колоний осуществлялось пассионариями, которые в силу различных причин оказались лишними и не могли занять паразитарную нишу в своем отечестве. Так, освоение Испанией и Португалией Америки началось буквально сразу после окончания Реконкисты, когда массы безземельных идалго грозили превратиться в неуправляемую орду. Направленная за океан, эта сила решила одновременно две задачи: колонизовала огромные пространства и предотвратила риски аутодеструкций в метрополиях. Схожая, но нерешенная ситуация со шляхтой в Польше (шляхтичей было просто некуда направить) привела к печальным для страны последствиям. Шляхта паразитировала в экономике, расшатывала политическое устройство, выбивала себе привилегии. Но польское государство рухнуло, и его разделили соседние империи.

В России частная собственность для большинства населения всегда была мифом. Ее отсутствие приводило к тому, что люди не чувствовали ответственности за результаты своих действий. Семиде-

¹ Заместитель директора Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, доцент. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч.: «Методологические проблемы правового знания», «Исторические основания среды права», «Частноправовые и публично-правовые основания эффективности государства», «Гражданское общество как социокультурный и политико-правовой феномен», «Право и история: методологические функции правовой науки», «Доктринальное правосознание: характерные черты и тенденции изменений», «Эффективное государство: миф или реальность» и др. Член Российского профессорского собрания. Почетный сотрудник МВД. Награжден двумя правительственными и пятью ведомственными (МВД РФ) медалями.

сятилетний эксперимент по искоренению частной собственности усугубил эту ситуацию, сделал бессмысленной профессию юриста-цивилиста, продуцировал паразитарные настроения как среди элит, так и у рядовых граждан. Несформированность отношений собственности является причиной того, что у некоторых слоев общества сих пор сохраняется иллюзия возможности получать материальные преференции за чужой счет.

XX век породил, а XXI укрепил сферы экономических отношений, в которых стала ярко проявляться паразитарная составляющая. Вторичные факторы экономического существования стали опережать реальную экономику, более того, приобрели ведущую роль. Ссудный капитал, банковская деятельность приобрели особый, невиданный прежде характер. В целом деятельность ростовщиков-банкиров никогда не вызывала восторга ни у рядовых обывателей, ни в реальном секторе экономики, но их постоянно увеличивающаяся власть, возможности управления бизнесом и способности делать деньги из денег вызывает серьезную озабоченность. Торговля, посреднические отношения, сфера услуг приобретают все большее значение, что в целом закономерно и естественно. Но то, что торговля начинает управлять производством, а в сфере услуг значительные сегменты захватывают псевдоуслуги, свидетельствует о паразитарных тенденциях и в этом направлении. Для большого бизнеса, обретающегося в банковской сфере или под его контролем, экономическая целесообразность соотносится с законодательством только в той мере, в какой это выгодно. Влияние на власть позволяет и коррелировать это законодательство в соответствии со своими интересами. «Большинство экономических решений принимаются без прямого влияния законов. Право — это совокупность ограничений, устанавливающих рамки, в которых люди могут преследовать свои интересы. Они принимают одни решения и уклоняются от других, потому что знают, что

законно, а что нет. Пока не станут известны важнейшие особенности правовой структуры общества, все наши попытки предсказать экономическое поведение его членов обречены на неудачу»¹.

В XXI веке большая политика становится в той же мере бизнесом, в какой большой бизнес начинает руководить политикой. Как только это происходит, паразитарные тенденции становятся главенствующими, начинают душить бизнес и заставляют политиков принимать порочные решения.

Современная «Большая Европа» включает в себя не только высокоразвитые страны со сложившейся эффективной экономикой и стабильными демократическими режимами, но и страны бывшего Восточного блока, которые только в умах их политических элит освободились от «советского наследия». На самом деле и способы политического управления, и значимость права, и реальный уровень коррупции, а главное, ментальность — все в них осталось прежним.

Крупнейшей ошибкой Запада стала миграционная политика. Запад долго шел к своему комфорту и благосостоянию. Высокие доходы населения были завоеваны в результате напряженной борьбы рабочего класса за свои права и проводимой вменяемой социальной политики, уровень образования и медицинского обеспечения был достигнут вследствие того, что западное государство реально стало социальным. Желание посадить себе на шею миллионы людей с чуждой Западу политической и религиозной культурой, полным отсутствием трудовой этики было контрпродуктивным. Новые мигранты, в отличие от тех, которых принимал Запад в середине XX века, не желают ни трудиться, ни принимать ценности западного мира, ни абсорбироваться в западную культуру, ни соблюдать законы. Они становятся новым паразитарным анклавом криминального мира, многие из них являются убежденными террористами и принципиальными врагами демократических завоеваний.

¹ Беттел Т. Собственность и процветание / пер. с англ. Б. Пинскера. М. : РИСЭН, 2008. С. 43.